

Ю Киреева

Хроники биологического сопротивления

Что, если апокалипсис — это не конец, а диагноз?

Юлия Киреева

Хроники биологического сопротивления

<https://litres.ru/73851134>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если апокалипсис — это не конец, а диагноз?

2112 год. Полина, физик, оказывается в будущем, где её мир называют «старым», а катастрофу — «Пробуждением». Земля отвергла человечество как инфекцию. Единственная надежда на понимание — проект «Хранитель», законсервированный на станции «Новоясеневская». И Полина — биометрический ключ к нему.

Но в новом мире нет нейтральных сторон. «Арсенал» видит в ней деталь для запуска древнего оружия. «Всадники» — еретичку, которую надо сжечь. А сама система «Хранитель» — идеального носителя для завершения своего протокола.

Объединившись с изгоями этого мира, Полина отправляется в путешествие, которое становится не просто борьбой за выживание, а судом над человечеством. Что ценнее: шанс исправить прошлую ошибку или право на будущее, пусть и жестокое?

Грань между спасителем и орудием стирается. Выбор между знанием и человечностью — за ней.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Юлия Киреева

Хроники биологического сопротивления

Глава 1

Москва Район ВДНХ 20 июня 2012 года 10:17

В руке она сжимала стаканчик с мороженым — безумно яркую смесь малинового, ванильного и фисташкового. Эти цвета, словно калейдоскоп, отражали её нынешнее состояние: розовые надежды, светлые планы и — на самом дне — едва уловимую, тревожную зелень сомнений. Полина остановилась у фонтана, наблюдая за игрой воды, когда раздался звонок. Она посмотрела на экран и, не раздумывая, ответила:

— Привет, папа.

— Полина, ты опять уволилась? — его голос был сухим и плоским. — И зачем тогда я тебя в институт устраивал? — Отец сказал это таким строгим тоном, словно он только что огласил вердикт учёного совета, а не говорил с собственной дочерью. Каждое слово падало, как печать на документ — обезличенно, неоспоримо. Он не повышал голос. Он не умел кричать. Он умел лишь холодно констатировать факты,

и этот факт звучал так: она разочаровала.

Полина на мгновение застыла, глядя на прохожих, наслаждающихся солнечным днем.

— Пап, я не хочу работать в институте. Это не для меня.
— сдерживая эмоции ответила она.

— Неужели ты не понимаешь, что это престижная работа? Ты могла бы продолжить нашу династию, а не убивать свое будущее!

— Я не хочу быть частью твоей "династии". Я хочу делать то, что мне интересно — Полина почувствовала, как внутри неё закипает гнев, но она старалась оставаться спокойной.

— Неинтересно тебе?! Тебе уже почти 30 лет. А дольше года ты не работала не на одной работе. В твоём возрасте я уже руководил лабораторией, Полина, ты бежишь от ответственности! Работая в науке, ты получаешь шанс стать кем-то!

— Уважение? Статус? — Она ощутила, как холодок пробегает по её руке, первыми каплями стекающего по стаканчику мороженого. — Я хочу быть счастливой, а не просто выполнять чьи-то ожидания!

— Ты просто не хочешь трудиться! Ты меняешь работу, как перчатки. Это глупо и безответственно!

— А может, у меня просто другой взгляд на жизнь?! Мне пора, пока.

Отключила телефон, чувствуя, как становится тяжелее. Она посмотрела на мороженое, на капли, стекающие по ста-

канчику, и вдруг ощущает, как её терпение лопается. Без колебаний она бросила стаканчик в урну. "Хорошо, что отец не знает, что я сегодня развожусь," — подумала она, и в этом осознании таилось горько-сладкое облегчение. Её жизнь, полная противоречий и чужих ожиданий, наконец, обрела форму — но форму, которую её отец, Виктор Сергеевич, никогда бы не одобрил.

Полина медленно пошла в сторону ВДНХ, будто физически пыталась отодвинуться от всех принятых решений за последнее время. Тёмные волосы, собранные наспех и всё равно выбивавшиеся мягкими прядями, спадали чуть ниже лопаток и цеплялись за ворот кремовой блузки — той самой, которую она надела машинально, чтобы выглядеть «нормально», хотя внутри всё давно было не в порядке.

Сначала на неё накатила волна городского гула — рокот машин с проспекта Мира, скучное бормотание громкоговорителя на остановке, отдалённый смех. Она шла, почти не замечая пути, пока под ногами не сменился асфальт на широкие каменные плиты Главной аллеи. И тут звуки начали меняться. Навязчивый шум города стал отступать, растворяясь в другом, более древнем и мирном шуме — в мерном шелесте тысяч листьев вековых лип и дубов. Этот шелест был похож на долгий, спокойный выдох самой земли. Он заполнил собой всё пространство между небом и её собственными мыслями. Полина остановилась, закрыла глаза и вдохнула полной грудью. Тело, сжатое в тугой комок, нача-

ло понемногу разжиматься, отпуская напряжение из плеч. Здесь, в этом зелёном, дышащем сердце города, её собственный внутренний шторм начал стихать, уступая место тишине, которая была не пустотой, а чем-то цельным и плотным, во что можно было опереться. И у неё промелькнула мысль. «Как же хорошо и тихо без людей».

*ЗАГС Бабушкинского района, Москва 20 июня 2012 года,
15:05*

ЗАГС встретил её запахом пыльных папок и дешёвого освежителя с ароматом «Морской бриз», который в душный полдень казался издевкой. Это место напоминало холодный аквариум: бледные бежевые стены, мертвенный свет люминесцентных ламп и пластмассовые цветы в углах. На лепестках роз, застывших в вечном цветении, лежал слой серой пыли — немой свидетель сотен чужих финалов.

Дмитрий уже был там. Он замер в полосе тени от массивного шкафа, словно пытался слиться с мебелью. Его рост и выправка всегда внушали Полине чувство безопасности, но сегодня его безупречность колола глаза. Идеально выглаженная рубашка, галстук, затянутый с хирургической точностью — это были не просто вещи, а кевларовая броня. Он стоял так неподвижно, что казался частью интерьера, человеком-статуей, который не позволит ни одной живой эмоции испортить фасад.

— Привет, — выдохнула она. Голос предательски дрогнул, отразившись от кафельного пола.

— Привет, Полин. — Дмитрий коротко кивнул. В его тоне не было ни капли горечи, только выверенная, стерильная нейтральность. Так разговаривают диспетчеры перед неизбежным столкновением поездов: профессионально, сухо, по факту.

Их вызвали. В кабинете за столом, заваленным грудями документов, сидела женщина-регистратор. Она не поднимала глаз, её мир состоял из печатей и подписей. Для неё они были не парой, прожившей десять лет, а просто «делом ...».

— Фамилии менять будете? Нет? Сверяйте данные, — механически произнесла она.

Полина взяла ручку. Бумага была плотной и пугающе белой. В этот момент каждый звук в комнате стал оглушительным: натужное гудение старого кондиционера, скрип стула, её собственное рваное дыхание. Она коснулась кончиком ручки графы «Подпись».

«Десять лет: ипотека, споры о цвете занавесок, поездки по миру, его смех по утрам... Всё это сейчас превратится в тонкую синюю линию на бланке».

Она вывела свою фамилию. Дмитрий взял ту же ручку — она еще хранила тепло её пальцев. Он подписывал медленно, с тем же ледяным спокойствием, с каким составлял годовые отчеты. Только на мгновение нажим стал сильнее, и ручка с тихим хрустом чуть царапнуло бумагу, оставляя едва заметную борозду. Это была единственная трещина в его броне.

— Свободны. Свидетельства получите в первом окне.

Когда они вышли на улицу, город ударил по ним раскаленным воздухом и невыносимым светом. Полина зажмурилась. Мир вокруг жил своей жизнью: какой-то парень громко смеялся в телефон, мимо прогрохотала бетономешалка, пахло разогретым асфальтом и липами. Мир не заметил их катастрофы. Всё осталось прежним, кроме того факта, что теперь они были друг другу никем.

— Как ты? — спросил Дмитрий.

Его голос изменился. Стерильность исчезла, в нем прорезалась какая-то хриплая, почти забытая нежность. Он смотрел на неё уже не как на делового партнера, а как на человека, которого только что видел в зеркале заднего вида уходящей машины.

— Не знаю, — честно ответила она, обхватив себя руками, словно в середине июня её пробрал озноб. — Кажется, я только что уменьшилась в размерах. Или мир стал слишком большим.

Дмитрий промолчал, лениво следя глазами за промелькнувшим мимо велосипедистом.

— У меня есть для тебя сюрприз, — вдруг сказал он, и в его глазах промелькнула странная решимость. — Я знаю, это звучит нелепо сегодня. Но это важно. Последний жест... или, может быть, точка, которую мы заслужили. Пошли, это здесь недалеко.

Он шагнул вперед, и Полина, помедлив секунду, последовала за ним, еще не зная, что через полчаса само понятие

«прошлого» и «будущего» перестанет иметь значение.

Они шли по раскаленным улицам, и Москва плавилась, как то самое мороженое, которое Полина выбросила утром. Воздух был густым, липким, напоенным ароматом цветущих лип — этот сладкий, почти приторный запах всегда напоминал ей о начале их романа. Сейчас он казался запахом увядания.

— Куда мы идем? — спросила она, когда они свернули во дворы.

— Почти пришли, — бросил он через плечо.

Полина чувствовала, как асфальт под ногами становится мягким, податливым, словно город сам не решался держать форму. Они прошли мимо старого кинотеатра. Его выцветшая вывеска, обещавшая когда-то «премьеры сезона», теперь смотрела на них пустыми глазницами окон. Сквер, через который они срезали путь, выглядел выжженным: трава пожухла, а короткие тени деревьев казались черными дырами на серой плитке.

Странное чувство беспокойства начало шевелиться у Полины под ребрами. Городской гул — рокот проспекта, визг тормозов, крики детей на площадках — вдруг начал отдаляться, словно кто-то медленно выкручивал регулятор громкости. Когда они вышли к высокому строительному забору, Полина замерла.

— Это же... — голос прервался.

Перед ними лежали руины. Отель, в котором десять лет

назад они провели свою первую брачную ночь, превратился в груды изломанного бетона и битого кирпича. Здание, казавшееся тогда незыблемым символом их будущего, теперь напоминало скелет доисторического животного. Арматура торчала из стен, как обломанные ребра, а порывы горячего ветра поднимали в воздух белесую бетонную пыль.

— Его разбирают, — тихо сказал Дмитрий, глядя на обломки. — Реконструкция. Я узнал об этом неделю назад и понял... это правильный финал.

Он подошел к калитке, у которой курил скучающий охранник. Короткий кивок, пара купюр, перекочевавших из рук в руки — и тяжелая цепь лязгнула, открывая им путь внутрь.

Внутри строительной площадки время будто застыло. Запах старины, сырой штукатурки и чего-то безвозвратно ушедшего смешивался с пряным ароматом зелени, которая упрямо пробивалась сквозь трещины в фундаменте. Они пробрались через завалы мебели, узнавая в обломках то ножку резного стола, то кусок бархатной шторы.

— Смотри, — Дмитрий указал на уцелевший выступ стены, который когда-то был частью их люкса. — Наш номер теперь под открытым небом.

Он присел на бетонную балку и достал термос из кожаной сумки, висевшей через плечо. — Я помню, ты не пьешь шампанское в жару. Поэтому — чай с мятой. Как тогда, на даче. Полина села рядом. Запах мяты — горьковатый и свежий

одновременно — на мгновение перебил удушливую пыль руин. Она взяла предложенную чашку, и их пальцы соприкоснулись. В этот момент Полина почувствовала странную вибрацию. Это не было дрожью рук. Казалось, вибрирует сам воздух вокруг них.

— Дима, ты слышишь? — прошептала она.

— Что? — он замер, прислушиваясь.

Звуки стройки, крики птиц, шелест листвы — всё исчезло. Наступила абсолютная, вакуумная тишина. А затем свет над руинами начал меняться. Он перестал падать сверху; казалось, он начал сочиться из самих камней, вымывая из реальности все цвета, оставляя лишь серую пустоту.

— За новое будущее... — запоздало произнес Дмитрий, но его голос прозвучал так, будто он доносился из-под толщи воды.

Полина посмотрела на свою чашку. Струйка чая, которую она случайно плеснула на бетон, не упала вниз. Она застыла в воздухе блестящей янтарной дугой.

Мир не просто остановился. Он приготовился исчезнуть.

Полина потянулась, чтобы чокнуться, но их чашки так и не встретились.

Мир щелкнул.

Это не был звук взрыва. Это был звук закрывающейся книги. Осталась тишина — такая плотная и тяжелая, что от неё заложило уши, как при резком погружении на глубину.

— Дима?.. — Полина попыталась позвать его, но звук соб-

ственного голоса показался ей чужим, плоским, лишенным эха.

Прямо между ними, над грудой битого кирпича, возникло Оно.

Из ниоткуда вывернулась идеальная сфера диаметром около метра. Она не была черной или белой — она была отсутствием цвета. Края сферы дрожали, искажая пространство вокруг себя, как раскаленный асфальт, но внутри царила абсолютная, неподвижная пустота. Она не отражала солнце. Она его пожирала.

— Что это... что это такое? — Дмитрий попятился, его лицо стало мертвенно-бледным.

Он споткнулся об обломок балки, но не упал. Его тело просто зависло под углом в сорок пять градусов, словно гравитация забыла, в какой стороне находится «низ».

— Дима, хватайся за меня! — вскрикнула Полина.

Её охватило странное, пугающее чувство легкости. Внутренности сжались, как при падении в лифте. Земля, камни, пыль — всё начало медленно отрываться от фундамента старого отеля, превращаясь в безумный хоровод обломков. Воздух стал густым и сладким, как сироп, каждый вдох давался с трудом, легкие обжигало невидимым холодом.

Полина видела, как время вокруг них начало расслаиваться. Секунду назад она видела руины, а в следующее мгновение сквозь них проглядывал сверкающий фасад еще целого отеля, а затем — густой лес, который стоял здесь сотни лет

назад. Прошлое и будущее перемешались в один нестабильный кадр.

— Наше присутствие здесь — ошибка, — голос Полины теперь звучал отовсюду сразу.

Сфера начала пульсировать. С каждым ударом пространство сжималось, притягивая их к своему центру. Дмитрий, преодолевая сопротивление вязкого воздуха, рванулся к Полине. Его пальцы впились в её плечи с силой утопающего.

В этот момент его сдержанность окончательно рухнула. В его глазах Полина увидела не страх смерти, а ужас перед тем, что они так и не успели сказать друг другу за эти десять лет.

— Я не отпущу, — выдохнул он.

И в этот миг сфера расширилась.

Свет погас мгновенно. Это не была просто темнота — это было полное отсутствие информации. Ни верха, ни низа, ни тепла, ни холода. Только бешеное биение двух сердец в пустоте и нарастающий гул в висках, похожий на шум далекого океана, которого никогда не существовало.

Глава 2

Тьма не просто окружала — она давила на глазные яблоки, вытесняя воздух из легких. А потом мир вернулся. Он ударил по ним наотмашь, без предупреждения.

Они ощутили что-то мягкое, нежное и влажное. Это было нечто похожее на ковёр из зелени. Оно было холодным, но приятным на ощупь.

Внезапно вспыхнули запахи, которые ударили в нос. Это была не волна, а скорее выброс — едкий коктейль, в котором запах гари сплетался в резкой вонию мочи. И все это замешивалось на удушающей пыли, оседающей на губах горьким привкусом ржавчины.

И вдруг, в этой абсолютной, слепой тишине, их накрыло чем-то — глухой, тяжкий стук, от которого сжалось нутро. Топот. Нет, не просто топот — мерные, дробящие пустоту удары, будто огромное сердце билось прямо под землей. Копыта.

Они попятились, плечом к плечу, глаза бесполезно впились в непроглядный мрак. Откуда? Справа? Слева? Звук обволакивал со всех сторон, эхом отражаясь от невидимых стен, глухой и влажный, будто земля сама втягивала в себя каждый шаг. Каждый удар — Тук... тук... тук... Мир вокруг жил. Дышал. И шёл на них — незримый, неумолимый и абсолютно непонятный. Они замерли, пытаясь осмыслить

невидимое, а в груди колотился уже только один, собственный, животный страх.

Постепенно тьма начала рассеиваться, и в их сознании появилась первая искорка света. Она росла, и вскоре они оказались в переулке, который выглядел заброшенным и полуразрушенным. Окружающие здания, словно старые монстры, обвиты мхом и лишайниками, которые заполнили трещины и щели, создавали иллюзию жизни в этом городе. Полина и Дмитрий сидели на земле, и их тела ощущали холодный, влажный мох, который, казалось, поглощал тепло, словно стараясь укрыть их от суровой реальности.

— Дима, где мы?.. — шепот Полины сорвался на хрип.

Дмитрий не ответил. Его взгляд был прикован к фигуре, отделившейся от руин. Это был молодой парень, худощавый и низкорослый, который двигался со стремительной, почти неестественной лёгкостью, будто бежал не по грудам битого кирпича и щебня, а скользил по знакомой тропе. Пряди тёмных волос растрепались, выбившись из-под капюшона. Засаленная, пыльная одежда висела на нём лохмотьями, но сквозь прорехи серой ткани угадывалось сухое, жилистое тело человека, привыкшего постоянно быть в движении. Это не было слепым бегством — парень расчётливо ускользал, идеально подстраиваясь под рваный ритм умирающего мегаполиса. Когда он на мгновение обернулся, Дмитрий разглядел его светло-зелёные глаза. В них не было и тени паники — лишь ледяная фокусировка, острая, как сталь запровленного

за пояс серпа. Парень почти не касался земли, лишь слегка отталкиваясь от неё, и секунду спустя растворился в гуще оплетающих руины буйных зарослей, став их частью.

Но, увидев Дмитрия и Полину, он резко остановился. Его глаза расширились от удивления, и он замер на месте, не в силах понять, что происходит. Он смотрел на них с недоумением, а его взгляд, полный вопросов, скользнул вниз, фиксируя внимание на их кроссовках. Как будто их обувь была чем-то совершенно немыслимым в этом мире.

— Кто вы? — наконец спросил он, его запыхавшийся голос звучал как треск ветки под ногами. В нём смешивались страх и любопытство, как будто он не знал, как реагировать на этих двух пришельцев из другого времени или мира.

— Мы... — начала Полина, но слова застряли в её горле. Как можно объяснить то, что и сами они не понимали?

Парень продолжал смотреть на них, его внимание всё ещё сосредоточено на их кроссовках, как будто те были ключом к разгадке. Он шагнул ближе, и его лицо приобрело выражение настороженности.

— Откуда вы? — спросил он снова, его голос дрожал от волнения.

Дмитрий поднялся, чувствуя, как покалывает в затекших мышцах. Встретившись с парнем глазами, он попытался прояснить ситуацию:

— Мы не знаем, как сюда попали. Это место оно странное..

Звук копыт, тот самый, что выгнал их из тьмы, не исчез. Он лишь отступил, превратился в отдаленный и он снова был повсюду, раздавался эхом об стены домов. Парень обернулся, нервно окинув взглядом переулок, где тени уже начинали сливаться в единую, пульсирующую массу.

— Если хотите жить, вам нужно двигаться, — бросил он, не глядя на них, вслушиваясь в эхо. — Сейчас!

— Куда? — выдохнула Полина, наконец поднимаясь. Мох присосавшийся к её джинсам, нехотя отпуская её.

Парень метнул на неё быстрый, оценивающий взгляд. В его глазах не было сочувствия, лишь холодный, отточенный выживанием расчет.

— Подальше от их маршрутов. — Он кивнул в сторону зияющего провала в стене соседнего дома, некогда бывшего парадной дверью. — И нужно дойти до Убежища. Оно в четырёх кварталах. Если успеете.

Он не стал ждать. Развернулся — и рванул. Стремительный, скользящий бег. Дмитрий и Полина переглянулись. В глазах — та же животная тревога. Выбора не было. Они побежали.

Бег по улице был не марафоном, а серией коротких, отчаянных спринтов между островками относительной безопасности. Парень не бежал по середине улицы, превратившейся в русло ручья из битого стекла и искореженного металла. Он прижимался к стенам, мелькал через проломы в заборах, нырял под нависающие балконы, готовые обрушиться в лю-

бой момент. Дмитрий и Полина, едва поспедали, спотыкаясь о булыжники, вывернутые корнями мертвых деревьев, и вязнув в неопознанной мягкой жиже на дне бывшей ливнёвки.

Запахи, сначала оглушившие их, теперь складывались в ужасающую карту: здесь горела пластмасса, здесь тухло мясо, а здесь, под аркой, стоял знакомый запах канализации, от которого сводило скулы. Город был мёртв, но смерть его была активной, бурлящей, разнообразной.

И всегда, фоном, — тот самый стук. То ближе, то дальше. Иногда он дробился, распадался на несколько источников. Иногда сливался в один грозный громовой раскат. Парень замирал тогда, прижимаясь к стене, его лицо становилось каменным. Он не объяснял, кто «они». Он лишь ждал, пока звук отползёт, и снова двигался.

— Кто это? Почему они на лошадях? — задыхаясь, выговорил Дмитрий, когда они укрылись в обломках автобуса, ржавые бока которого поросли каким-то синеватым лишайником.

— Выжившие. Как и мы. «Всадники»! — Парень, высунув голову из выбитого окна, фыркнул. Звук был похож на короткий, безрадостный смешок. — Лошади? Ценный ресурс. Лошадей они холят и лелеют, потому что конь — это не транспорт. Это оружие. И пропуск в их жестокую иерархию. Вот и весь их свод правил.

«Всадники». Слово повисло в воздухе, тяжелое и колющее.

— Кто они? — спросила Полина, с ужасом разглядывая свою ладонь, испачканную в ржавой пыли и чем-то липким.

— Закон, — без эмоций повторил парень. — Те, кто решил, что пора наводить порядок. Свой порядок. На арбалетах и страхе.

Он выпрыгнул из автобуса.

— Дальше. Уже близко.

Они выскочили на некогда широкий проспект, который теперь больше напоминал каньон, заваленный ржавыми скелетами автомобилей. Сквозь искореженный металл пробивались уродливые деревья с толстыми, искривленными стволами. И в этот самый момент впереди вырос мрачный силуэт девятиэтажки с пустыми глазницами выбитых окон.

— Туда.

Из-за груды плит, бывшей некогда фонтаном, раздался отчётливый, чистый звук. Звон подковы о бетон.

Парень замер, как подстреленный. Его лицо побелело.

— Бегите, — прошипел он, не оборачиваясь. — Прямо к дому. В подъезд. Не оглядывайся.

Но было уже поздно.

Из-за груды искореженных машин выехали трое.

Это не были всадники из книг. Ничего благородного — они больше походили на выходцев со свалки, чем на героев легенд. Никакого пафоса, никакой эстетики. Костяные нашивки на потрёпанных кожаных плащах, сшитых, казалось, из обивки старых автомобильных сидений. Вместо лиц —

глухие стальные намордники, сваренные «на коленке», с узкими амбразурами для глаз.

Один из них держал наготове тяжелый арбалет, чья тетива из стального троса звенела от напряжения. Остальные же сжимали в руках грубое подобие мечей: длинные, пугающие полотна, собранные из ржавых деталей — заточенных рес-сор, фрагментов обшивки и обломков арматуры.

Под стать всадникам были и кони: низкорослые, заросшие колтунами твари с повадками цепных псов. Они не просто ждали — они высматривали добычу.

— Бежим, бежим, БЕЖИМ! — крикнул парень, и в его голосе впервые сорвался настоящий, неконтролируемый страх. — Они нас убьют!

Он рванул вперед, к дому. Дмитрий и Полина инстинктивно кинулись за ним. Но ноги, уже измученные, задеревеневшие от усталости и адреналина, не слушались. Они бежали, как в кошмаре, где земля превращается в смолу.

Свист. Тонкий, противный, рассекающий воздух.

Полина взвыла от внезапной острой боли в плече. Что-то тупое и жгучее впилося в мышцу, дернуло её назад. Она не увидела стрелу, только почувствовала её. От неожиданности и боли она споткнулась о торчащую арматуру и тяжело рухнула лицом в пыль.

Достигнув спасительной тени подъезда, Дмитрий резко оглянулся. Увидел Полину, распластанную на земле, и тёмное пятно, растущее на рукаве её блузки. Парня и след про-

стыл — тот уже нырнул в темноту здания. А всадники были совсем близко: они приближались с пугающей неспешностью, и один из них уже накладывал на тетиву следующий болт, готовясь добить жертву.

Мыслей не было. Было лишь сжавшее сердце ледяное пятно ужаса и потом — взрывная, слепая волна чего-то другого. Не ярости. Не героизма. Инстинкта стаи. Он не мог её оставить.

— Дима, нет! — закричала Полина, пытаясь подняться, но стрела, торчащая из мышцы, парализовала всю руку.

Дима уже бежал к ней, низко пригнувшись. Парень, выглянув из подъезда, дико замахал ему руками, его лицо исказилось от безмолвного крика. Всадники остановились. Центральный, тот, что был чуть крупнее других, плавно поднял арбалет. Он видел, что добыча никуда не денется. Он наслаждался моментом.

Дмитрий наклонился, чтобы подхватить Полину. В его глазах была только решимость.

— Вставай, давай!

Свистнула вторая стрела. Короткий, сухой звук, похожий на удар палкой по мокрой ткани. Дмитрий вздрогнул всем телом. Он замер в полуприседе, его глаза округлились от изумления. Он медленно, очень медленно посмотрел вниз, на свой живот, где из рубашки торчало уже оперение стрелы — грубые, неровные перья. Тёмное пятно начало растекаться с пугающей скоростью. Его пальцы, сжимавшие руку По-

лины, вдруг ослабли.

— Нет. — простонала Полина.

Дмитрий открыл рот, пытаясь выдавить слово, возможно, её имя, но в этот миг прилетел «ответ». Еще одна стрела вонзилась прямо в горло, оборвав речь коротким хрустом. Вместо слов наружу вытолкнуло лишь алую пену. Его колени подогнулись, и он рухнул на неё, придавив своим весом.

Ужас, холодный и всепоглощающий, сковал Полину. Она не могла кричать, не могла двигаться. Только чувствовала, как кровь Дмитрия — теплая, настоящая — пропитывает её одежду.

Над ней выросла тень — резкая, ломаная, пахнущая кислым потом и старым железом. Это был их случайный встречный. Лицо его было искажено гримасой ярости и отчаяния. Он не смотрел на всадников, которые лишь замедлили ход, наслаждаясь моментом. Увидев, как парень судорожно переворачивает тело Дмитрия и вцепляется в воротник Полины, рванув её к себе с нечеловеческой силой, преследователи переглянулись.

Тишину разорвал их ехидный, хриплый смех — зрелище этой жалкой возни среди руин забавляло их больше, чем быстрая расправа. Тот, что держал арбалет, содрогнулся от хохота как раз в момент перезарядки: стальной болт выскользнул из пальцев и звякнул об асфальт. Эта секундная заминка и глумливое промедление врагов стали их единственным билетом в жизнь, дав время скрыться.

— Держись! — прохрипел парень ей прямо в ухо.

Боль в плече вспыхнула адским огнём, когда он потащил её по земле, волоком, к подъезду. Щебень рвал одежду, царапал кожу. Она видела лежащее неподвижное тело Дмитрия, такое маленькое и беззащитное на фоне гигантских руин.

Парень втянул её в темноту подъезда, как мешок. Внутри пахло дерьмом и старым деревом. Он швырнул её в сторону лестничного пролёта.

— Беги! — крикнул он, и его голос сорвался на визг. — На верхние этажи! Туда они на конях не пойдут! Его не спасти! Беги, если жизнь дорога!

Полина, рыдая от боли, ужаса и потери, впилась пальцами в облезлые перила и поползла вверх, не в силах подняться на ноги. Парень, пятась спиной, двигался за ней, не сводя глаз с провала входа внизу, его серп, тускло поблескивая, был наготове.

Между вторым и третьим этажом, где лестничная клетка делала поворот, они замерли, прижавшись к стене. Сквозь пролёты, сквозь решётку разрушенных ступеней, был виден кусочек улицы перед подъездом.

Всадники спешили. Их лошади, беспокойно переступая, отгородили собой пространство. Двое стояли на страже, поворачивая головы в металлических масках, сканируя переулок. А третий, тот, что был крупнее, уже склонился над неподвижным телом Дмитрия. Его движения были методичными, лишёнными всякой поспешности или жадности —

лишь холодная, практичная эффективность падальщика. Он рывком сдернул с ноги Дмитрия один кроссовок, затем другой, внимательно рассмотрел их, словно оценивая трофей, и сунул в мешок за пояс.

В горле Полины вскипел немой вопль, смесь отчаяния и святотатственного ужаса от этого спокойного мародёрства. Она открыла рот, чтобы выкрикнуть что-то — проклятие, мольбу, просто звук своей агонии, — но грубая, сильная рука резко закрыла ей рот, прижав голову к холодной штукатурке. Его пальцы пахли металлом, землёй и потом.

— Молчи, — его шепот прозвучал прямо в её ухо, горячий и безжалостный. — Или присоединишься к нему и они возьмут не только обувь.

В его глазах, не было сочувствия. Только жёсткая, выстрадавшая правда. Кричать — значило умереть. Сейчас. И отдать им всё, что у них осталось, включая собственную жизнь. Полина крепко зажмурилась, ощущая, как слезы скатываются на его грубые, мозолистые пальцы, которыми он сжимал её лицо. Она кивнула, едва заметно. Рука ослабела, но не убралась. Они стояли, не дыша, наблюдая, как внизу заканчивается короткий, циничный ритуал ограбления мёртвого.

Они пошли дальше. Этаж за этажом. В разбитых окнах свистел ветер, завывая в пустых квартирах, как в каменных черепах. На стенах цвели плесенью чьи-то трагичные граффити, а кое-где валялись кости, аккуратно обглоданные. Она не думала. Она просто двигалась вверх. Её плечо горело,

каждый пульс отдавался в висках огненным молотом. В ушах стоял звон.

Они молча поднялись до шестого этажа. Парень двигался уверенно, но часто оборачивался, прислушиваясь к эху из глубин подъезда.

— За мной, — бросил он на ходу, достигнув лестничного пролета. Игнорируя дверные проемы пустых квартир, он нырнул в едва заметную темную щель в самом конце коридора, которая скорее напоминала технический лаз, чем обычный проход.

Коридор упирался в неприметную дверь, обитую потёртой жёстью. Парень не стал стучать. Он нажал плечом на скрипучую доску рядом с косяком — раздался щелчок спрятанной защелки, и дверь бесшумно открылась внутрь.

Пахнуло навстречу густой, сложной волной: сырость бетона и плесени смешивалась с резковатым, пряным ароматом сушёных трав, висевших пучками у потолка. Помещение было небольшим, но удивительно обжитым. Стены, чтобы скрыть холод и трещины, были завешаны лоскутами старой ткани и выцветшими коврами, создавая ощущение кокона. В центре стоял массивный стол, сколоченный из старых досок и дверей, на нём горела единственная свеча в жестяной банке, отбрасывая прыгающие тени на груды корней, связки сухоцветов и несколько консервных банок. Это был и штаб, и склад, и жилище одновременно — гостиная, кухня и крепость в одном пространстве.

Парень на мгновение высунулся обратно в коридор, напряжённо вслушиваясь. Внизу была тишина, лишь ветер гулял по этажам. Он резко закрыл дверь, повернув самодельный деревянный засов.

Полина, добравшись до относительной безопасности, почувствовала, как последние силы покидают её. Спина медленно поползла вниз по стене, обитой мягкой мешковиной, пока она не осела на пол. Шум в ушах нарастал, свечное пламя двоилось в глазах.

Из-за одного из лоскутных занавесов, отделявших дальний угол, вышла женщина. Она была худа, как тростинка, а её волосы, собранные в тугой пучок, были цвета пепла и стали. В её руке, без всякой агрессии, но и без колебаний, лежал длинный, хорошо отточенный кухонный нож. Её глаза, острые и светлые, как у сына, мгновенно нашли Полину на полу, затем перешли на парня, выискивая объяснение, оценку угрозы.

— Кто это? — спросила она. Голос был низким, сухим и лишённым всякой теплоты. Вопрос звучал не как упрёк, а как запрос данных для анализа ситуации.

Парень, скидывая с плеча потрёпанную сумку, пожал плечами, избегая её взгляда.

— Не знаю. Нашёл. Убили её друга. Всадники.

Он произнёс это так же буднично, как мог бы сказать «дождь пошёл». Женщина медленно кивнула, вбирая информацию. Её взгляд скользнул по искореженному плечу

Полины, по стреле, по лицу, залитому слезами и грязью. Она что-то взвешивала.

Полина попыталась что-то сказать, издать звук, поблагодарить или объяснить, но мир вдруг резко накренился. Свеча расплылась в яркое пятно, затем погасла. Звуки — скрип за окном, шёпот парня, тяжёлое дыхание женщины — отдалились, превратившись в глухой гул под водой. Тёмные, уютные лоскуты на стенах поплыли перед глазами и слились в одну сплошную чёрную пелену.

Она не упала, а скорее провалилась в эту пелену, потеряв опору, свет и, наконец, сознание. Последним, что она ощутила, был не запах пряных трав, а резкий, металлический вкус крови на собственных губах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.